

О норме прибыли и ее тенденциях¹

(По поводу статей М. В. Иоффе)²

Экономическая теория, по крайней мере, поскольку речь идет о марксистской теории,— имеет дело с величинами, с отношениями величин и с социальной характеристикой этих величин и отношений. Количественная сторона экономических явлений находит свое измерение в труде, к которому в последнем счете сводятся все ходячие категории политэкономии. Качественная сторона этих явлений выражается в том или ином типе общественных отношений, которые лежат в их основе. Может показаться, что в экономической науке, как и в области естественных наук, мыслимо производить качественный анализ, оторванный от количественного, и наоборот. Такое представление о предмете в самом деле очень широко распространено, и притом не только в среде буржуазных экономистов, но и среди марксистов. Буржуазная наука питает исключительные симпатии к так называемой „чистой экономии“, которая, в конечном счете, сводится к упражнению над голыми количествами, лишенными всякой социальной и исторической окраски. Среди марксистов часто попадает другая крайность: исследователь ограничивается исключительно качественной стороной явлений, не делая попыток их количественного выражения. Очень часто такие экономисты считают свою работу выполненной, если им удалось найти подходящие определения для тех или иных категорий, установить соответствующие им общественно-производственные отношения, проследить социально-экономический механизм их взаимодействия, вообще выразить, так сказать, „социологический эквивалент“ экономической материи. Нечего распространяться на тему о том, что марксизм не допускает такого отрыва качества от количества, которые, как известно, „переходят“ одно в другое, состоят в постоянной и неразрывной координации между собой.

На примере статьи М. В. Иоффе „Закон тенденции нормы прибыли к понижению“ можно иллюстрировать, к каким ошибкам иногда приводит забвение этого элементарного правила марксистского анализа. Автор статьи так характеризует цель и метод своего исследования: „Мы в настоящем очерке пользуемся законом трудовых

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² „План. Хоз.“, №№ 7, 8 и 12 за 1927 г.

затрат, как исходным пунктом и незыблемой основой обобщения основных марксовских категорий. В целях такого обобщения мы временно отбрасываем особый специфически свойственный капитализму социальный смысл марксовских категорий и сохраняем лишь основной их стержень — их материально трудовое содержание (разумеется, с учетом количественной зависимости этого содержания от социальной формы, в которой оно конкретно проявляется). И именно это обстоятельство, т.е. то, что преодолевая трудности количественного анализа, мы временно оставляем в стороне специфически свойственное капитализму социально-классовое значение марксовских категорий, именно это и позволяет нам применять их к диаметрально-противоположным по своему типу общественным отношениям. Конкретно, речь идет о том, какие тенденции обнаруживает „норма прибыли“, — если брать это слово в том чисто количественном смысле, о котором говорит М. Иоффе, в условиях советского хозяйства.

Если бы дело шло только о терминах, как думает Иоффе, то, разумеется, нельзя было бы возражать против того, чтобы использовать марксовский термин „прибыли“ и „нормы прибыли“ в условном расширительном смысле, со всеми необходимыми для этого оговорками, — хотя это имеет свои общественные неудобства. И для доказательства правомерности такого обращения с терминологией вовсе не надо было бы тратить так много слов (а у Иоффе этому посвящены целые страницы). Ошибка, по нашему мнению, состоит в другом — в самой постановке вопроса о тенденции нормы прибыли к понижению в условиях советского хозяйства. Норма прибыли с капиталистической точки зрения есть отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, который включает в себе и средства существования рабочих — зарплату, т.е.

отношение $\frac{m}{c+v}$. Но заработная плата может быть причислена к издержкам производства только в таком общественном строе, где собственник орудий производства и производительный работник — два разных лица, представители двух разных классов, где не производство служит для удовлетворения потребностей производителя, а потребление производителя служит интересам производства наряду с сырьем, машинами и т. д. Капиталист относит свою прибыль ко всему затраченному капиталу потому, что между постоянным и переменным капиталом с его точки зрения нет никакого различия. Но дело коренным образом меняется с того момента, когда производитель соединяется с орудием своего труда, когда рабочий класс овладевает производственным аппаратом, когда объект хозяйства становится его субъектом, товар превращается в человека. Только традиция может в этой обстановке побудить к измерению рентабельности общественного хозяйства формулой $\frac{m}{c+v}$, которая потеряла вся-

кий смысл. Для капиталиста, так же как и для всего класса капиталистов, эта формула представляет собою основную движущую силу процесса производства, ибо весь его интерес заключается в стоимостном приращении капитала. Для планомерно-организованного хозяйства это количественное отношение представляет наименьший интерес. Вернее говоря, общественный интерес здесь прямо противоположен капиталистическому; стоимость есть трудовая затрата, трудовая затрата есть жертва. Поэтому всякое приращение стоимости общественного „капитала“ (взятого в материально-техническом смысле) есть не что иное, как увеличение трудовых затрат общества для поддержания соответствующего уровня продукции, есть минус, а не плюс. Рассуждая абстрактно, можно сказать, что прямой интерес общества, поскольку оно сознательно „воспроизводит свою жизнь“, состоит в неуклонном уменьшении стоимостного прироста капитала, в низведении нормы прибыли даже до отрицательной величины, т.е. в таком увеличении производительной способности орудий производства, при которой все меньшая и меньшая затрата труда на воспроизводство производительного капитала сопровождалась бы все большим и большим ростом продукции предметов потребления, представляющих конечную цель хозяйства. Но, разумеется, такая гипотетическая схема развития нереальна: она взята нами только для того, чтобы еще резче подчеркнуть разницу между капиталистическим и социалистическим отношением к вопросу.

С капиталистической точки зрения издержками производства являются $c+v$. С рабочей точки зрения такими издержками являются $c+v+m$, т.е. вся совокупность мертвого и живого труда, затраченного в течение производственного периода. Поэтому совершенно напрасно было бы в условиях планомерно-организованного социалистического хозяйства искать какого-либо стоимостного избытка над издержками, как мерил рентабельности. Такого избытка нет. Он существует только в капиталистическом сознании, ибо капиталист считает издержками производства то, во что производство обходится ему, а не рабочему. Мерилом рентабельности „с социалистической точки зрения“ может быть только сравнение затраченного труда с достигнутыми результатами, что нельзя осуществить, не учитывая продукцию в ее натуральной форме. С точки же зрения баланса труда работников организованного хозяйства должно интересоваться прежде всего отношение $\frac{m+v}{c}$, а не $\frac{m}{c+v}$, при чем интерес общественного хозяйства состоит в том, чтобы свести это отношение к минимуму, т.е. чтобы наибольшую роль в производстве играл мертвый механизм, а не живой труд. Интересы капиталистического общества состоят, наоборот, в том, чтобы довести отношение $\frac{m}{c+v}$, норму прибыли, до максимума. Что ка-

сается отношения накапливаемой доли чистой годовой продукции к потребляемой доле, т.е. отношения $\frac{m}{v}$, то с точки зрения организованный хозяйства оно само по себе безразлично, если брать его в стоимостном смысле. Уделяется ли большое количество труда для „будущего“ производства или производства предметов потребления в настоящем, — это решается в зависимости от достигнутой ступени технического прогресса и отношения производительности труда в том и другом подразделении.

Таким образом, поставив в центре своего внимания вопрос о движении нормы прибыли на весь общественный капитал в условиях советской экономики или, как он выражается, народной чистой прибыли, М. В. Иоффе тем самым вульгарно отождествляет значение этой величины при капитализме, где она решает все, с ее значением в наших условиях, где она абсолютно ничего не решает. Вместе с изменением социального смысла этой категории изменяются или, вернее говоря, исчезают ее функции. Упражнения над этой нормой, как над простой бескачественной величиной, теряют поэтому свой экономический смысл и превращаются в обыкновенную арифметическую работу над свойствами чисел, как таковых.

Числовые упражнения фактически и составляют добрую половину работы автора.

Все сказанное здесь относится к той постановке вопроса, которая исходит из баланса народного хозяйства, взятого в целом. В этом отношении упражнения над нормой прибыли ничего не дают. Норма прибыли есть „частно-хозяйственная“ или „между-хозяйственная“ категория, хотя ее уровень определяется соотношениями элементов хозяйства, взятых в масштабе общественного целого. В этом „частно-хозяйственном“ смысле, как измеритель хозяйственной рациональности отдельных предприятий или их объединений, или даже целых отраслей, она сохраняет свое значение, сильно модифицированное и в наших советских условиях. Если бы автор ставил себе задачу в этом разрезе, она могла бы еще быть теоретически оправдана. Правда, в отношении изолированных хозяйственных объединений или единиц преимущественный интерес должен состоять не в исследовании движения абсолютной величины нормы прибыли, а отношения этой нормы к среднему уровню, величина которого, с точки зрения всего общественного хозяйства, вовсе не является руководящим регулятором. Тем менее, приемлем тот „универсальный“ подход к проблеме, который мы находим в статье Иоффе. Но попробуем отвлечься от этой теоретической путаницы и разобраться в вопросе по существу.

Переходя к тем закономерностям, которые М. В. Иоффе устанавливает в отношении капиталистического хозяйства, мы должны, прежде всего высказать серьезные сомнения по поводу попытки

автора дать новое обоснование закона повышения органического состава капитала. М. В. Иоффе так формулирует проблему: „Что касается физического объема постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, то его рост есть очевидное и непосредственное выражение роста производительной силы общественного труда. Доказывать необходимость этого роста значило бы лопнуть в открытую дверь. Иное дело — увеличение постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, по стоимости. Этот пункт требует доказательства, ибо рост физического объема постоянного капитала всегда протекает при одновременном удешевлении отдельных его элементов, так что, рассуждая отвлеченно, стоимость его на единицу живого труда может при этом остаться неизменной и даже понизиться. Итак, прав ли Маркс?“ И далее, М. В. Иоффе доказывает, что Маркс прав. Но при помощи таких соображений, которые вряд ли способствуют укреплению марксистской теории. Он полагает, что основной причиной относительного роста стоимости постоянного капитала, — поскольку речь идет об оборотной его части, является более медленный темп роста производительности труда в отраслях, производящих составные части оборотного капитала — сырье, топливо, вспомогательные материалы, по сравнению с ростом производительности труда в обрабатывающей промышленности. Такое различие темпов вытекает из стихийного характера капиталистического хозяйства, которое не оказывает сознательного противодействия ухудшающимся естественным условиям в отраслях добычи сырья и пр. Что касается основного капитала, то и здесь производительность труда возрастала сравнительно медленно, в виду того, что элементы основного капитала тесно связаны с добывающей промышленностью и что в их производстве значительную роль еще играет живая рабочая сила, стоимость которой понижается медленнее, чем развивается общественная производительность труда. Такова вкратце схема М. В. Иоффе.

Если бы эта теория была правильной, то пришлось бы совершенно иначе формулировать самый закон повышения органического состава капитала и вытекающую из него тенденцию к понижению нормы прибыли. По Марксу этот закон и эта тенденция представляют собою специфически-капиталистическое выражение роста производительности общественного труда. По М. В. Иоффе это звучит несколько иначе: повышение органического состава общественного капитала есть следствие неравномерного движения производительности труда в разных отраслях народного хозяйства. Больше того, исходя из схемы Иоффе, можно было бы с таким же успехом доказать, что органический состав капитала должен неуклонно повышаться и при понижении производительности общественного труда, если только это понижение совершается неравномерно в разных отраслях. В самом деле: пусть производительность труда в отраслях, производящих элементы постоянного капитала, снижается ежегодно на 10%,

а производительность труда в обрабатывающей промышленности на 5%. Тогда, очевидно, параллельно с сокращением физических объемов продукции стоимость постоянного капитала будет относительно возрастать, т. е. органический состав капитала будет повышаться, и в соответствии с этим будет происходить понижение нормы прибыли. Подобная теория находилась бы в полной гармонии... но только не с учением Маркса, а с учением классиков, которые понижение нормы прибыли пытались объяснить именно понижением производительности труда, законом убывающего плодородия почвы и т. п. естественными причинами. Рикардо, например, прямо выводил этот закон из условий производства в добывающей промышленности, в земледелии и пр. Идя в одну комнату, М. В. Иоффе попадает, таким образом, совершенно в другую. Его объяснение неприемлемо уже по той причине, что в такой формулировке закон повышения органического состава капитала перестает быть „специфическим“ выражением роста производительности общественного труда: он может выражать с одинаковым успехом и повышение и понижение производительности труда.

Далее, следует отметить, что М. В. Иоффе принимает в данном случае за показатель органического состава капитала отношение постоянного капитала к затраченному живому труду, а не к переменному капиталу, фигурирующему в виде определенной стоимости рабочей силы. Другими словами, он говорит здесь об отношении $c : (v + m)$, а не $c : v$. Хотя между первым и вторым отношением существует известная внутренняя связь, тем не менее это разные вещи. Количество затраченного живого труда непосредственно не связано со стоимостью средств существования рабочих, а переменный капитал есть не что иное, как эта стоимость. Между тем, производительность труда в отраслях, производящих средства существования рабочих, регулируется, повидимому, теми же законами, которые действуют в отраслях, производящих сырье, топливо и прочее,—поскольку речь идет о продуктах сельского хозяйства, например. Таким образом, по крайней мере в одной своей части v имеет тенденцию повышаться в стоимости по тем же причинам, по которым повышается и c . Тут можно попытаться возразить, что другая часть зарплаты состоит из продуктов обрабатывающей промышленности, где производительность растет быстрее всего, и что таким образом недостаточное удешевление предметов потребления земледельческого происхождения компенсируется громадным удешевлением фабрикатов. Это верно, но то же самое соображение можно высказать и в отношении постоянного капитала, известная часть которого тоже состоит из фабрикатов. А с другой стороны, не следует упускать из виду, что снижение стоимости средств существования рабочих сопровождается некоторым увеличением потребления этих средств.

Если бы даже производительность труда изменилась абсолютно одинаковым темпом во всех областях как в производстве сырья

машин, материалов, так и в производстве средств существования, то и в этом случае органический состав капитала должен был бы систематически повышаться. По отношению к основному капиталу, к орудиям производства это совершенно очевидно. Рост производительности в том ведь и состоит, что все меньше труда затрачивается на конечных стадиях производства и все больше — на начальных и промежуточных стадиях. Вот что говорит по этому поводу Маркс: „Возрастающая производительность труда, поскольку она связана с машинами, тождественна с уменьшением массы рабочих в отношении к числу и объему применяемых машин. На место одного простого и дешевого орудия выступает целая коллекция таких орудий, хотя и видоизмененных. А к ней прибавляется еще целая группа машин, которая производит и перемещает для нее энергию, затем материалы, топливо и пр., которые необходимы для производства двигательной силы, например, пара. Наконец, постройки... Степень снашивания машин имеет отношение только к товару, рабочий же противостоит всей совокупности машин, как стоимость капитала, вложенного в труд, к стоимости капитала в машинах. Не подлежит никакому сомнению факт удешевления машин, которое произошло по двум причинам: благодаря применению машин в производстве сырых материалов, из которых состоят машины; благодаря применению машин при превращении этого материала в машины. Но этим сказано только следующее, во-первых, что и в этих обеих отраслях стоимость капитала, вложенного в машины, увеличивается в отношении капитала, вложенного в труд — сравнительно с отраслями производства, инструментами, которые употреблялись при мануфактуре, во-вторых, удешевляется только единичная машина и ее составные части. Но зато развивается система машин... И она содержит элементы, которые не содержались в старом орудии и т. д. Несмотря на удешевление отдельных элементов, колоссально возрастает в цене общая масса машин, и рост производительности состоит в постоянном расширении этой общей массы“.¹

Вот этот решающий момент — передвижка труда с развитием техники и пр. в сторону подготовительных стадий производства, в связи с чем обязательно должна изменяться пропорция между живым и мертвым трудом — не учитывается нашим автором. Его ошибка состоит, во-первых, в том, что он переносит явления, свойственные изолированным отраслям хозяйства, на все народно-хозяйственное целое, во-вторых, в том, что он не связывает динамики основного капитала с динамикой оборотного капитала.

С точки зрения отдельной отрасли производства дело, действительно, обстоит так, что рост постоянного капитала в его оборотной части объясняется относительным вздорожанием его элемен-

¹ См. соответствующее место в т. III „Теории прибавочной стоимости“, стр. 294—295 русского издания.

тов. Если, например, в ткацком производстве по мере увеличения производительности труда растет доля капитала, затрачиваемого на прядильное сырье, то это может быть объяснено исключительно тем обстоятельством, что производительность труда в прядильном производстве отстает от производительности в ткацкой индустрии. То же самое можно сказать и на счет взаимоотношений между прядильной индустрией и хлопководством. Если бы производительность труда росла одинаково повсюду, то в текстильной промышленности, несмотря на рост потребления сырья в смысле физического объема, постоянный капитал — поскольку он определяется затратами на сырье — не должен был бы увеличиваться за счет переменного (предполагая постоянство технических коэффициентов). Но что служит предпосылкой роста производительности в ткацкой индустрии? Увеличение массы и качества применяемого к ней основного капитала, которое обязательно должно сопровождаться и увеличением его стоимости, хотя и в более слабой степени, чем растет масса капитала, даже в том случае, когда в отраслях, производящих основной капитал, производительность растет так же, как и в текстильной промышленности. Пусть производительность труда в металлургии, машиностроении и ткацкой индустрии растет одинаковым темпом, так что одинаково быстро происходит удешевление единицы продукции во всех этих трех отраслях. Сохранится ли в этом случае одинаковое отношение между основным капиталом и переменным в текстильной индустрии? Ни в коем случае, ибо рост производительности в ней предполагает относительное увеличение массы металла и машин, приходящееся на единицу продукции, а следовательно, и соответствующее увеличению доли стоимости представляющей постоянный капитал. То же самое надо сказать и о топливе, потребление которого должно пропорционально расти, быстрее роста производительности в той индустрии, которую оно обслуживает: энергия, доставляемая топливом, потребляется в увеличенном размере не только в непосредственном производственном процессе, но и для внутреннего обслуживания всей системы машин, транспорта и пр., объем которых растет относительно быстрее, чем объем конечной продукции. Наконец, если даже допустить, что между стоимостью пряжи и ткани сохраняется постоянное отношение, так что капитал, затрачиваемый на непосредственное сырье, не увеличивается, то не следует забывать, что сырье нужно и для основного капитала, что оно должно увеличиваться не только количественно быстрее, чем растет масса конечной продукции, но и качественно в смысле увеличения его разнообразия, появления новых видов сырья и пр. Таким образом, общественный оборотный капитал, включающий в себе не только сырье для продуктов непосредственного потребления, но и сырье, материалы и топливо для производства средств производства, должны расти относительно быстрее

даже при том условии, что производительность труда одинаково развивается повсюду. Больше того! Именно равномерный рост производительности был бы в данном случае предпосылкой неравномерного роста постоянного и переменного капитала, взятых в масштабе общественного целого.

Для того чтобы между обоими этими подразделениями общественного капитала сохранялось постоянное отношение, т.е. для того, чтобы органический состав капитала сохранялся на неизменном уровне — требовалось бы неравномерное движение производительности в производстве средств производства и средств потребления, а именно: производительность труда в первом подразделении должна была бы настолько обгонять рост производительности во втором подразделении, насколько рост физического объема средств производства обгоняет рост физического объема средств потребления. Но такая гипотеза представляет собой абсурд, внутреннее противоречие, ибо, как мы уже выяснили раньше, подобное гигантское повышение производительности в первом подразделении должно было бы повлечь за собою такой колоссальный рост объема применяемого здесь основного капитала, который неизбежно вызвал бы дальнейшую передвижку в сторону повышения органического состава всего общественного капитала.

М. В. Иоффе считает, что повышение органического состава общественного капитала не имело бы места, если бы производительность труда в отраслях, добывающих первичное сырье и пр., сравнилась с производительностью труда в обрабатывающей промышленности. Это утверждение верно только в отношении капитала, вложенного в обрабатывающую промышленность. Разумеется, с удешевлением сырья здесь прошло бы снижение или задержка в повышении органического состава капитала. Но такая задержка была бы куплена ценой еще более быстрого повышения органического состава капитала в добывающей индустрии: ведь для того чтобы обеспечить одинаковый с обрабатывающей промышленностью темп роста производительности, здесь пришлось бы употребить относительно большую долю основного капитала, принимая во внимание противодействие естественных факторов, влияющих в сторону понижения производительности. Если верно, что отставание добывающей промышленности от обрабатывающей есть закон стихийного производства и что организованное общественное хозяйство будет планомерно осуществлять ликвидацию этой отсталости, то такая ликвидация приведет не к понижению органического состава общественного капитала, как думает М. В. Иоффе, а к еще более быстрому его повышению. Таким образом, отпадает один из „законов“, который М. В. Иоффе устанавливает для советской экономики. К подобному „закону“ автора привели две коренные теоретические ошибки, уже отмеченные нами. Во-первых, предположение о том, что рост органического состава капитала

выражает собою не рост производительности общественного труда, а неравномерное движение производительности; во-вторых, неправильное представление о функциях нормы прибыли в условиях переходной экономики, представление о том, будто организованное общественное целое заинтересовано в повышении нормы прибыли и в этих целях будет ставить своей задачей выравнивание производительности труда в добывающей и обрабатывающей промышленности.

В такой же мере надо отвергнуть мнение автора о том, будто в вопросе об эволюции органического состава Маркс придавал решающее значение оборотному, а не основному капиталу. Оборотный капитал Маркс выдвигал на первое место там, где речь шла об изолированных отраслях (хлопок — пряжа — ткань). И здесь же он попутно говорит о разном темпе роста производительности. Там, где он анализирует движение всего общественного капитала, он выдвигает на первое место именно основной капитал. С другой стороны, было бы чистой метаморфизикой, если бы мы пытались в масштабе общественного целого отделить китайской стеной основной и оборотный капиталы. Они не только существуют рядом, но переплетаются между собой, взаимно обуславливают движение друг друга. Рост основного капитала есть в то же время и рост оборотного, и притом в двух смыслах: во-первых, должна увеличиваться добыча сырья, топлива и пр. элементов, служащих для производства основного капитала. Во-вторых, та часть основного капитала, которая ежегодно снашивается, а она растет вместе с ростом всего капитала, — фигурирует в общественном производстве, как оборотный капитал. Таким образом, совершенно нелепа попытка противопоставить их друг другу в том отношении, в котором это делает М. В. Иоффе.

Количественный анализ тенденции нормы прибыли при капитализме изложен автором весьма туманно и неуклюже с точки зрения чисто математических приемов (обозначение разных величин с помощью одних и тех же символов, например, m' выражает у автора, с одной стороны, долю прибавочной стоимости в каждой сотне общественного капитала, с другой стороны — отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, $ж$ — представляет одновременно и единицы труда и единицы стоимости, и т. д.). Рабочая сила и живой труд приводят у автора в движение не постоянный капитал, фигурирующий в средствах производства, а весь общественный капитал, куда включаются и средства существования. За этой путаницей довольно трудно уловить общий ход мыслей автора, который представляется нам в следующем виде.

Прежде всего, автор заменяет марксову формулу нормы прибыли $\frac{P}{k} = 100$ путем целого ряда, довольно не сложных, впрочем, ма-

нипуляций „развернутой“ формулой: $p'(\text{норма прибыли}) = (1 - z') \frac{v' h}{z'}$,

где 1 представляет собой единицу затраченного живого труда, z' — стоимость рабочей силы на единицу живого труда, v' — переменный капитал, приходящийся на 100 единиц общественного капитала, h — число оборотов этого переменного капитала, $v' h$ — стоимость всей рабочей силы, израсходованной в течение года на сто единиц общественного капитала (включая и средства существования, $\frac{v' h}{z'}$ — общую сумму живого труда, затраченного в течение года на

сто единиц того же капитала. Это разложение первоначальной формулы понадобилось автору для того, чтобы в расчлененном виде разобрать взаимозависимости названных величин. Однако, все то „новое“, которое ему удастся установить при помощи развернутой формулы, состоит в демонстрации связи нормы прибыли с числом оборотов переменного капитала, который у Маркса не выделен особо. Но эти выводы можно легко сделать и без математических упражнений. Все остальное (а М. В. Иоффе насчитывает целых девять пунктов, выражающих внутренние зависимости величин) гораздо проще можно вывести из первоначальной формулы, данной в „Капитале“. Но помимо внутренних зависимостей автор устанавливает также и числовые тенденции. Прежде всего — тенденцию движения нормы прибавочной стоимости при разной стоимости рабочей силы. Здесь оказывается, что, во-первых, прибавочная стоимость (на единицу труда) растет тем более, чем меньше ее величина и чем больше стоимость рабочей силы. Во-вторых, норма прибавочной стоимости растет быстрее, чем ее абсолютная величина (этим, чисто арифметическим выводам автор придает „огромное практическое значение“). Так как на начальных ступенях развития капитализма стоимость рабочей силы относительно велика, а прибавочная стоимость относительно мала, то уже отсюда следует, что наибольшие тенденции к росту прибавочной стоимости имеет на начальных ступенях развития, ибо всякое удешевление рабочей силы вызывает значительно большее увеличение прибавочной стоимости, а тем более ее нормы. На высших ступенях капитализма происходит обратное. Далее, такая же арифметическая зависимость существует между величинами e и v . Они изменяются в разных темпах: когда e меньше половины, то увеличение e вызывает сравнительно более медленный темп уменьшения v , потом темпы выравниваются, затем, когда e начинает превышать половину размеров капитала, v падает быстрее, чем растет e , и, наконец, когда e приближается к 100, происходит опять замедление темпа движения обеих величин вверх и вниз. „ v “, таким образом, движется диалектически: сначала убывает медленнее, чем растет производительная сила общественного труда, потом быстрее, потом опять медленнее. Число оборотов переменного капитала — h — автор склонен принять

за постоянную величину на всем протяжении капиталистического развития, полагая, что противоположные тенденции, ускоряющие и замедляющие оборот, уравнивают друг друга.

Стоимость рабочей силы на единицу живого труда — s' изменяется диалектически: вначале она снижается несколько быстрее роста производительности общественного труда (т.е. понижается реальная зарплата), затем темпы выравниваются, затем в периоды хозяйственного оживления темп снижения несколько отстает от роста производительности (рост реальной зарплаты), наконец, в период загнивающего капитализма он снова начинает обгонять рост производительности.

Установив движение составных элементов формулы, легко проследить, таким образом, общие тенденции той величины, которая выражается формулой в целом, а также ее комбинированными частями.

Норма прибыли определяется движением двух множителей, из которых один ($1 - s'$) выражает собою абсолютную величину прибавочной стоимости на единицу живого труда, а другой $\frac{v'h}{s'}$ — количество живого труда, приходящегося на каждую сотню общественного капитала. Первый множитель на заре капитализма растет быстрее роста производительности общественного труда (принимая во внимание то, что сказано относительно s'), затем темпы выравниваются, потом он начинает отставать от роста производительной силы труда, а в последний момент разлагающегося капитализма опять проявляет тенденцию ускорять свой рост.

Второй множитель — $\frac{v'h}{s'}$ с развитием капитализма должен постепенно убывать, принимая во внимание, что h остается постоянным, — v' , как правило, при капитализме снижается быстрее, чем растет производительная сила труда, а s' — в общем и целом снижается в том же темпе и даже медленнее, чем растет общественная производительная сила труда. При этом скорость снижения должна все более обгонять темп прироста производительной силы общественного труда.

Если из двух множителей один растет, а другой падает, то изменение произведения будет зависеть от относительных темпов роста и падения. В общем и целом норма прибыли принимает колебательный характер, при чем на ранних ступенях развития капитализма побеждает тенденция к росту, а в дальнейшем — тенденция к падению. Тем не менее, М. В. Иоффе придает в согласии с Марксом решающее значение второй тенденции, так как эпоха, при которой возможен рост нормы прибыли, характеризуется чрезвычайно низким органическим составом капитала, который не может быть типичен для капитализма.

По поводу этих закономерностей мы должны заметить следующее. Сам автор говорит, что это схематическое изображение

процесса движения нормы прибыли, при котором не приняты в расчет все противодействующие тенденции, отмеченные Марксом (внешняя торговля, удешевление элементов постоянного капитала, повышение степени эксплуатации труда и пр., и пр.). Вместе с тем, он считает возможным на основе этой схемы наметить особенности движения нормы прибыли в условиях советской экономики в течение ближайших 10—15 лет. Но ведь такая попытка требует исследования вопроса во всей его конкретности, а не схематически. Схема годится для длительных периодов, она действует „in the long run“, как говорят англичане. Для коротких периодов она недействительна, и притом по двум причинам: во-первых, те основные тенденции изменения составных величин формулы, которые влияют на норму прибыли, сохраняя свое значение для длительных периодов, могут на коротких отрезках времени не проявиться вовсе, поскольку вообще процесс этих изменений совершается медленно (например, изменение нормы прибавочной стоимости, органического состава капитала и пр.); во-вторых, хотя противодействующие обстоятельства представляют собою второстепенные влияния по сравнению с основной тенденцией, но на протяжении конкретно-исторических отрезков времени они могут получить временное преобладание, и тенденция к снижению нормы прибыли может смениться тенденцией к ее повышению даже на высших ступенях развития капитализма. Эту возможность отмечал и Маркс. Игнорирование этих обстоятельств совершенно обесценивает попытку противопоставления советской капиталистической экономики в ближайший исторический период. Совершенно невозможно, например, игнорировать в отношении новейшего капитализма влияние монополии, повышение эксплуатации труда наряду со снижением зарплаты, всестороннюю рационализацию производства и обращения, которую проводит современный капитализм, разумеется в доступных ему размерах, взаимоотношения империалистических и колониальных стран и т. д. Достаточно одного примера для иллюстрации нашей мысли. Всем известно, что производительный аппарат современной капиталистической индустрии превышает больше, чем когда бы то ни было возможности действительного производства, вследствие понижения покупательной способности, сокращения рынков сбыта и пр. Эта недогрузка производственного аппарата ведет за собою повышение издержек производства, снижение производительности и пр. Если бы капитализму удалось на ближайший период частично разрешить проблему рынков (радикальное решение этой проблемы, конечно, утопия при капитализме), то это привело бы к громадному росту производства и производительности труда на основе понижения, а не повышения органического состава капитала (увеличилось бы количество занятых рабочих при данных размерах основного капитала) а это дало бы временное преобладание второстепенной тенденции

к повышению нормы прибыли. Вообще, при рассмотрении коротких периодов нельзя отвлекаться от конъюнктурных колебаний, смысл которых в том именно и состоит, что периоды снижения нормы прибыли сменяются периодами ее повышения, при чем, разумеется, сохраняется действие основной тенденции. Обращаясь непосредственно к схематическим положениям автора, необходимо прежде всего указать на необоснованность его попытки исключить из капиталистической эпохи тот период, при котором органический состав общественного капитала характеризовался пропорцией $c:v=1$ или ниже. М. В. Иоффе считает, что при таком составе общественного капитала невозможно еще господство капиталистических отношений. Исключение этого периода нужно автору для того чтобы доказать, что на протяжении всей эпохи капитализма преобладает тенденция к снижению нормы прибыли. Однако, здесь автор стал просто жертвой своей „количественной“ теории. Он берет в расчет состав всего общественного капитала, в который включается и крестьянское и ремесленно-кустарное хозяйство, где состав „капитала“ значительно ниже среднего уровня. А это значит, что капитал капиталистических предприятий имеет в эту эпоху значительно более высокий состав. Средняя величина затушевывает в данном случае действительную картину. Несмотря на более высокий органический состав, капиталы этих предприятий могут приносить и действительно приносят более высокую норму прибыли, чем „капитал“ низкого состава крестьянского ремесленного производства, главным образом, благодаря так называемому не эквивалентному обмену с некапиталистической средой, который совершенно игнорируется автором. Вместе с тенденцией к более быстрому — на ранних ступенях капитализма — росту нормы прибавочной стоимости, извлекаемой из непосредственно эксплуатируемых рабочих, это приводит к росту нормы прибыли на капитал. Отрицать господство капиталистических отношений для этой эпохи было бы по меньшей мере неосторожно. Идя таким путем, можно было бы ведь отрицать господство капитализма в современном мировом хозяйстве, ибо средний состав всего мирового общественного капитала безусловно ниже единицы. В отношении к этому раннему периоду автор делает еще одну ошибку противоположного свойства. Отрицая за ним капиталистический характер, он вместе с тем переносит на все общественное хозяйство того времени закономерности, свойственные исключительно капитализму. Он полагает, что взаимоотношения между постоянным и переменным „капиталом“, между стоимостью рабочей силы и количеством живого труда и проч. складываются в масштабе общественного целого именно так, как это свойственно капитализму: быстро растет прибавочная стоимость, стоимость рабочей силы снижается быстрее, чем растет производительность общественного труда, и т. д. В условиях мелкого производства вряд ли можно с такой категоричностью устанавливать такие законы.

По отношению к развитой капиталистической эпохе автор делает ошибку другого рода. Он полагает, что оборот переменного капитала остается более или менее постоянным. Это не оправдывается фактами и не доказано теоретически. Основная тенденция — ускорение оборотов переменного капитала: она вытекает из усовершенствования условий производства и транспорта. Противобьющая тенденция вытекает из процессов обращения, которые в конечном счете подчиняются производственной сфере: рост расстояний перекрывается развитием транспорта, рост товарных запасов — ускорением процесса их производства и т. д.

Пустопорожним „арифметизмом“ является попытка автора установить цифровые пределы капитализма: он полагает, что капитализм начинается при $c=50\%$ общественного капитала и кончается при $c=70-90\%$. Мы уже показали несерьезность первого положения. Опыт нашей революции, положивший конец капитализму задолго до достижения последним положенного ему автором предела, — убедительно свидетельствует против второго положения. В общем ничто не может сильнее скомпрометировать математический метод, который при осторожном применении дает богатейшие результаты, чем эти вульгарные попытки использовать его для всеобъемлющих социологических построений и пророчеств.

Автор уделяет очень много внимания сравнительному последованию темпов движения основных величин. Все выводы формулированы им в относительных выражениях: основным мериллом он выбирает движение производительности общественного труда и изменения остальных величин сравниваются с изменением производительности. Но все, что можно сказать после длительных и утомительных соображений, сводится только к весьма неопределенному выражению „больше“ или „меньше“, без точного указания меры этих количественных различий. С другой стороны — не исследовано движение самой производительной силы труда и даже не дано сколько-нибудь серьезное определение этой сложной категории, — а ведь от нее все зависит. Как же можно при таких неопределенных в арифметическом смысле выводах давать категорические прогнозы: капитализм кончается при $c=90\%$? Эта сплошная вульгаризация и компрометация теории.

Большинство математических упражнений автора имеют только математическую внешность, сводясь фактически к чисто произвольным прикидкам „на-глаз“. Так, например, зависимость движения c' от производительности труда оказывается вообще неопределенной; движение v' построено на соображениях большей или меньшей вероятности и т. д. По существу все это можно было бы сделать гораздо легче без формул. В частности, автор уделяет очень много места доказательству того, что с ростом производительной силы общественного труда отношение живого труда к каждой сотне общественного капитала ($c+v$) должно прогрессивно убывать. В такой

формулировке этот закон представляет собою только слегка видоизмененную перефразировку закона возрастания органического состава капитала. Попытка же выяснить соотносительность темпов движения живого труда и производительности труда лишена всякой убедительности, тем более, что М. В. Иоффе совершенно не принимает в расчет таких вещей, как повышение интенсивности труда, удлинение рабочего дня и проч. обстоятельства, которые, ведь, имеют некоторое отношение к количеству живого труда, всасываемого капиталом.

Об особенностях движения нормы прибыли в советских условиях М. В. Иоффе говорит очень кратко, а так как мы выяснили ошибочность его взглядов в общей части, то мы и здесь можем ограничиться еще более короткими замечаниями. М. В. Иоффе считает, во-первых, что и в советских условиях сохраняется общая тенденция к снижению нормы прибыли, которая имеет преобладание над противодействующими тенденциями, в частности, благодаря тому, что ей не оказывает противодействия повышение нормы прибавочной стоимости, свойственное капитализму. Однако, он полагает, во-вторых, что снижение нормы прибыли будет у нас совершаться медленнее, чем при капитализме, по следующим причинам: 1) Благодаря сознательному регулированию хозяйства у нас будет уменьшаться расстояние, отделяющее темп роста производительности в добывающей и обрабатывающей промышленности. Это должно вести к относительному удешевлению элементов оборотного капитала и, следовательно, задерживать повышение органического состава капитала. 2) Благодаря устранению конкуренции, сбытовых затруднений и пр. у нас ускоряется оборот, уменьшаются размеры запасов, а это также ведет к уменьшению размеров оборотной части общественного капитала, соответственно отражаясь и на органическом составе. 3) Плановое хозяйство позволяет лучше использовать наличный и вновь строящийся основной капитал, так что одинаковый с капитализмом уровень производительности может быть у нас достигнут при меньшем объеме основного капитала. Всем этим тенденциям противодействуют, помимо указанной уже нами тенденции к сохранению в ближайшие 10—15 лет постоянства нормы прибавочной стоимости, еще наличие распыленного крестьянского хозяйства со слабым коэффициентом использования основного капитала, а также усиленная индустриализация страны, которая сопровождается именно в ближайший период крупными вложениями в основной капитал. В общем балансе, по мнению Иоффе, у нас перевешивают те факторы, которые вызовут замедление темпа снижения нормы прибыли сравнительно с капитализмом.

Из приведенных доводов, прежде всего, необходимо отбросить утверждение о том, что увеличение производительности труда в добывающей индустрии может способствовать снижению органического состава капитала и повышению нормы прибыли. Оно не может

этого сделать по тем же причинам, по которым при капитализме неравномерность роста производительности вовсе не есть причина понижения нормы прибыли на общественный капитал. Мы подробно выяснили этот вопрос в другом месте. С другой стороны, требуется еще доказать, что экономический интерес планового хозяйства диктует нам на ближайшем отрезке времени сосредоточие усилий и средств именно в этом направлении. Для нашей экономики не менее настоятельной задачей в данное время является необходимость повышения производительности труда и в обрабатывающей промышленности, продукты которой устанавливают непосредственную связь нашей индустрии с деревней. Далее, при всей правильности соображений о свойственных нашей системе преимуществах в отношении экономии на оборотном и основном капитале автором упущено очень важное обстоятельство, которое обуславливает тенденцию к усилению удельного веса основного капитала, вообще „техники“ в широком смысле слова, по сравнению с капитализмом в нашем хозяйстве. В основном это вытекает из иного типа отношений между работниками и общественными орудиями труда—с одной стороны, и из иной формы организации производства—с другой стороны. Мы знаем, что эксплуатация труда—высокая норма прибавочной стоимости и ее повышение—не только арифметически, так сказать, задерживает темп снижения нормы прибыли, но и оказывает прямое задерживающее влияние на рост органического состава капитала, делая невыгодным применение машин дальше известных пределов. Известно, что степень распространения машин при капитализме находится в обратном отношении к уровню эксплуатации рабочих и норме прибавочной стоимости. Эта важная экономическая взаимозависимость величин упущена автором, который ограничивается исключительно количественной стороной дела—поэтому он проходит мимо нее и при анализе советских условий. Между тем, именно в наших условиях этот закон должен менять свое значение. Во-первых, сама норма прибавочной стоимости у нас должна быть меньше, чем при капитализме, и обнаруживать скорее тенденцию к уменьшению, чем к увеличению. Это само по себе должно вести к расширению сферы приложения машин, т.-е. к росту основного капитала. Во-вторых, техника должна получить у нас более широкое распространение и независимо от величины нормы прибавочной стоимости, благодаря тому, что все отрасли промышленности сосредоточены в одних руках. Последний пункт требует разъяснения. Особенность капиталистического подхода к техническим вопросам вытекает не только из классовых отношений между капиталистом и рабочим. Другой причиной, вызывающей специфическую оценку технических средств, является раздробленность процесса производства между самостоятельными предприятиями, в результате которой средства производства, машины и пр. превращаются в товар, должны быть куплены, чтобы получить

применение в другом предприятии. Покупая машину, капиталист оплачивает ее по полной стоимости. „Покупая труд“, он оплачивает только стоимость рабочей силы, которая всегда меньше, чем стоимость, созданная рабочей силой в действии, т.е. трудом рабочего. Отсюда „раздвоенность“ расчетов. Машина оценивается по полному количеству заключенного в ней труда, затрата живого труда—только по издержкам на рабочую силу. Если машиностроение находится в руках того же предпринимателя, который применяет машины, то эта двойственность исчезает, ибо затраты труда на машину оплачиваются тогда не по полной стоимости, создаваемой трудом, стоимости рабочей силы. Таким образом, установка одной и той же машины может оказаться хозяйственно выгодной, если машина производится в пределах капитала комбината, потребляющего ее, как орудие производства, и невыгодной, если ее приходится приобретать во внешней хозяйственной сфере. То, что верно для комбината, еще более верно для ВСНХ, который распоряжается как производством машин, так и их применением.

Из этих соображений, которые можно было бы в другом месте развить подробнее, следует, что нашей экономической системе, поскольку речь идет о планомерно-организованной ее части, свойственна тенденция к более быстрому повышению удельного веса основного капитала, чем это было бы возможно при капитализме. В какой мере она перекрывается более экономным и рациональным использованием основного капитала—об этом трудно сказать что-либо определенное.

Наконец, если принять во внимание, что органический состав капитала у нас находится на более низком уровне, чем в капиталистических странах и что чем ниже уровень, тем быстрее совершаются изменения, но и с этой стороны приходится ожидать более быстрого повышения органического состава капитала у нас, чем в соседних с нами капиталистических странах.

В общем и целом можно так характеризовать выводы автора: 1) он, несомненно, переоценил тенденции нормы прибыли к понижению в капиталистических условиях (в чем он признается в конце); 2) он недооценил ту же тенденцию в условиях советской экономики; 3) поэтому его основное заключение о том, что у нас норма прибыли будет понижаться медленнее, чем при капитализме, надо считать не верным. Понижение нормы прибыли есть специфическая форма выражения роста производительности общественного труда. Поэтому норма прибыли должна обнаруживать у нас более ярко выраженную тенденцию к падению, чем при капитализме, разумеется, при том условии, если нам удастся обеспечить более быстрый рост производительности труда. Все сказанное здесь характеризует, конечно, только главные линии движения, не касаясь всевозможных пересекающихся, перекрещивающихся, взаимно компенсирующих друг друга движений, анализ которых потребовал бы совершенно самостоятельного исследования.